

Андрей Лазарчук, Михаил Успенский

Желтая подводная лодка «Комсомолец Мордовии»

*Старшине первой статьи
запаса Владимиру Трохину.*

— Тут как-то в «Намедни» — передача одна так называется — показали знаменитый английский аукцион «Сотбис». Так на этот аукцион безутешная японская вдовушка сбагрила кой-какое барахлишко своего незабвенного — видно, дабы было на что помянуть. Две пары носков, свитеришко с оленем, очки с одним стеклышком... срамотища. И вдруг! Я, ребята, аж взмок: среди всех этих обносков дорогим самоцветом выиграла одна очень знакомая мне вещь. Да и как ей не быть мне знакомой, если из моих рук она и вышла, и ушла, и затерялась в джунглях шоу-бизнеса.

Я-то, дурак, думал, он ее на первой же ливерпульской помойке выкинул...

Кто купил, и за сколько, и купил ли вообще какой идиот — не сообщалось, короткий сюжетец был. Но окажись я в тот день в городе Лондоне — всю свою фунтовую заначку снял бы со счета и вещьгу эту из чужих рук выручил бы.

А потом прижал бы к груди, обнял и

заплакал...

Началось это все в недоброй памяти шестьдесят восьмом годике, когда доламывал я третий год службы на атомной подлодке «Комсомолец Мордовии». Про то, что тем летом случилось, я и по сию пору не имею права трепать языком; скажу только, что анекдот «Кто бросил валенок на пульт?!» — вовсе не такой смешной, как кажется. Вообще все было как в песне: и горела роща под горою, и светилась, падая, ракета...и нас оставалось только трое. Но не помнит мир спасенный своего спасителя, потому что он вообще никогда ничего доброго не помнит. Да и несерьезно числить в спасителях рыжего и лопоухого человека по фамилии Залупынос, радиолобителя из-под Кривого Рога, из колхоза «Великие Проблемы». А вот любитель-то он был любитель, да сделать смог то, что наши офицера с «макаровкой» за плечами от избытка знаний не потянули... Он просто не знал, что этого сделать нельзя, оттого все у него и получилось. Сам он при этом чуть не улетел, конечно, аки кузнец Вакула на черте...

Э-эх, кабы не его невежество, где бы сейчас все умники были, да и мы с ними заодно...

И вот лежим мы в госпитале, отдельная палата на троих; подводников вообще кормят на убой, так уж повелось (с фабрики-кухни ресторана «Прага» на лодки обеды поставляли), но здесь и мы

удивились... да я и сейчас себе не все из того позволить могу... телевизор в палате, программу «Время» смотрим, «Сагу о Форсайтах», Архангельский народный хор... «Ленинский университет миллионов»... не дотянуться ведь, не выключить.

И приходит адмирал флота Кабаков, личность совершенно легендарная.

Много про него можно было бы рассказать, только это отдельная книга получится...

Одна борода — это три главы из той книги... вечно она у него куда-то попадала...

И присаживается он на кровать к Толику нашему Залупыносу — а у того из-под бинтов один глаз виден, натруженный созерцанием тяжелого семейного положения Форсайтов, — бороду в сторону отводит и говорит:

— Спасибо тебе, сынок, что сорвал ты чрезвычайное происшествие во время боевого дежурства. А то зияла бы в ракетно-ядерном щите нашей Родины дырища от Калининграда до Диксона. Командование этого так не оставит. Проси чего хочешь.

Толик говорить-то мог, хохлу так просто рот не заткнешь, но тут дара речи лишился. Только пальцами показывает: лычки, мол, лычки.

— Это само собой, — машет рукой адмирал, — мичманом будешь и к «Боевому

Красному» представим. Ты для души, для души проси...

Толик и попросил. Да так попросил, что адмирал аж крякнул и напрягся.

— Хочу, — говорит наш радиолобитель, король эфира, — прежде чем помереть, «Битлов» живьем увидеть и услышать...

(Сестры потом рассказывали, что с месяц адмирал названивал по два раза в день: не помер ли Толик. Но Толик не помер. И мы заодно.)

— Увидишь, сынок, — сказал адмирал твердо, встал, честь отдал и вышел строевым шагом.

Почти год прошел. Выздоровели мы, в экипаж вернулись. И даже в автономку ушли. Веселая автономка вышла, потому как на гражданке хохлы и русские, составлявшие поначалу костяк ракетно-ядерных сил, кончились. Видно, слишком много лодок наделали. И пошли на флот татары. Но городские образованные татары все как один плоскостопые и с язвой, поэтому набрали по заволжским степям пастухов и подпасков. И самую ответственную сторону жизни в автономке они превзойти никак не могли. Дело в том, что галльон на подлодке представляет собой не просто место, где матрос с радостью справляет естественные потребности организма, но и сложное гидравлическое устройство. Из-под кустика можно

просто встать и уйти; в доме с ватерклозетом уже труднее: надо дернуть за цепочку и проконтролировать процесс; в самолете или там поезде надо нажать на педаль. На подлодке педаль тоже есть, но прежде чем на нее нажать, нужно опустить крышку унитаза и запереть ее на четыре болта с барашками. Каждый второй матрос-первогодок понимает это и делает все как надо, не вызывая нарекания товарищей. У прочих бывают сложности. Это же пополнение проходило три ступени посвящения: не смывать вообще (за это их подвергали, как говорил боцман Тремба, «отсракизму»); смывать при открытой крышке; смывать при закрытой крышке, самонадеянно прижав ее ногой... Но что такое давление одной человеческой ноги против пяти атмосфер системы продувки? Так что пополнение половину автономки занималось только тем, что чистило за собой галюны зубными щетками и иголками, и это не бесцельное армейское издевательство, а жестокая флотская необходимость, поскольку вторичный продукт при пяти атмосферах подачи забивается в любую щель, ароматизируя посредством системы вентиляции все отсеки и палубы...

С другой же стороны, если за время автономки ни одного такого случая не происходит, это почитается за дурную примету. Так что предзнаменования нам выходили самые блестящие.

Однако от говна вернемся к битлам.

Толика, конечно, подначивали. Все мы понимали, что адмирал стравил сгоряча, потому что секретного матроса в Америку не выпустят даже запаянным в свинцовый гроб, с кляпом во рту, урезанным языком и в сопровождении большого хора автоматчиков Девятого главного управления КГБ под руководством Никиты Карацупы и его верного пса Ингуса, который на самом деле был Индус, но имя это всегда писалось через «г», чтобы не обиделся Джавахарлал Неру, — даже если концерт будет проходить на территории советского посольства в условиях оккупации США объединенными силами войск стран Варшавского договора, Вьетнама и Кубы. И вот, понимая это, разработали мы проект завлечения битлов на территорию СССР. Мол, сидит сейчас адмирал в кабинете и своей адмиральской рукой выписывает повестки Леннону, Маккарти, Ринго Старру и Джорджу Харрисону, где пишет, что в случае неявки будут доставлены, и что битлы в военкоматы по месту жительства пока не являются, но уже постриглись налысо. Но Толик был «сундук», без трех минут офицер, и обижаться на какого-то старшину второй статьи считал ниже своего сундучачьего достоинства. Хотя в автономке, чтоб вы знали, звания не считаются, все по имени-отчеству, если официально, и просто по

имени, когда свои.

Тем временем посрамленные Толиком офицеры-электронщики, которые обслуживали арифметическую счетно-решающую машину «Ставрополь-Изумруд», заронили в его душу отравленное зерно: идею поступить после убийства в запас не куда-нибудь, а в самое МГИМО. Английской язык ты уже знаешь, говорили они ему, опыт спасения человечества от ужасов ядерной войны у тебя есть... Станешь военно-морским атташе, а там и послом... а кто запретит послу с супругой и внуками сходить на концерт битлов?

Тут и я подливал своего масла:

— Представляешь, Толик, год этак восемьдесят пятый. Нет, лучше восемьдесят шестой, год Двадцать седьмого Съезда и новых решающих успехов. И ты, как посол Советского Союза в Социалистической Республике Мексике, приезжаешь делегатом с решающим голосом на Съезд. Тебе вручают подарки: пыжиковую шапку, папку из крокодиловой кожи, малахитовую вечную ручку с золотым пером производства Ленинградского завода особо точной аппаратуры. И конверт с деньгами, а там рублей как бы не триста. Ты этот конвертик берешь и этак небрежно в боковой карман опускаешь. Ну, проходит съезд. Пионеры стихи Михалкова наизусть шпарят, от шоколадных конфет нос воротят. Бурные

положительное аплодисменты, переходящие в авиацию — так, что на патрулирующих в стратосфере бесшумных самолетах слышно. И тут тебя вдруг начинает на родину тянуть, на корешей посмотреть. А жена у тебя — Громыкина племянница, солистка Большого театра. Ей в деревню ехать западно. Тогда берешь ты в гараже кремлевском казенную «Чайку» с шофером, загружаешь ее с черного хода Елисейевского гастронома — и отбываешь. И приезжаешь ты под Пензу в деревню Молябуха Верхнеландёхонского района, в колхоз «Явь Ленинизма», бывший «Грёзы Ильича». К тому времени все проселки уже заасфальтированные будут, с фонарями и указателями. И видишь ты среди белых особняков с павлинами и бельведерами покосившуюся такую халупу. А тебе председатель навстречу бежит-торопится, а за ним счетовод с агрономом и счётами, парторг освобожденный с протоколом, — а ты их небрежно так спрашиваешь: и где у вас тут старшина второй статьи, отличник боевой и политической подготовки Сенявин Дмитрий Николаевич проживает? И тут председатель спотыкивается, начинает землю ножкой ковырять и зовет тебя во дворец культуры и отдыха на банкет по случаю начала весеннего сева. Ты его вдругорядь спрашиваешь: а где мой кореш Сенявин Дмитрий Николаевич проживает? Он тебя